

ИВАН ГРИГОРЬЕВИЧ АКУЛИНИН

ВЫПУСКНИК АКАДЕМИИ ГЕНШТАБА

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР БЕЛОЙ АРМИИ

НАЧАЛЬНИК ШТАБА ПОХОДНОГО

АТАМАНА КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА

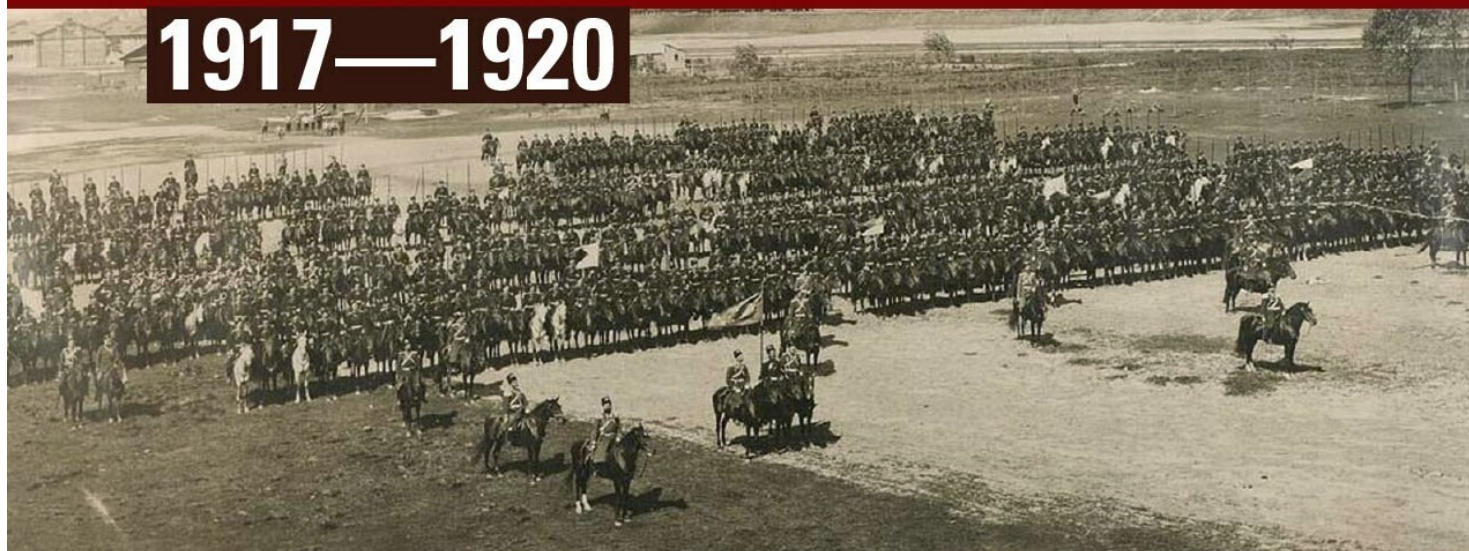
ПРИ СТАВКЕ ВЕРХОВНОГО

ПРАВИТЕЛЯ РОССИИ

ОРЕНБУРГСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО В БОРЬБЕ С БОЛЬШЕВИКАМИ

1917—1920

Иван Акулинин

**Оренбургское казачье
войско в борьбе с
большевиками. 1917—1920**

«Центрполиграф»

1933

УДК 94(47).084.3
ББК 63.3(2)61

Акулинин И. Г.

Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. 1917—
1920 / И. Г. Акулинин — «Центрполиграф», 1933

ISBN 978-5-227-10620-9

Генерал-майор Иван Григорьевич Акулинин — оренбургский казак, участник войн, Русско-японской и Первой мировой, а также повстанческой борьбы оренбургского казачества, помощник войскового атамана, командир I и II казачьих корпусов в 1918—1919 гг. В конце 1919 г. с I корпусом присоединился к повстанческим войскам Уральского казачества, когда остальные оренбуржцы отступили с белыми армиями. С остатками уральцев Акулинин покинул Россию. В эмиграции он опубликовал свои воспоминания о борьбе Оренбургского казачьего войска с большевиками с конца 1917 г. до ухода остатков оренбургской армии за границу в начале 1920 г. Автор описывает и анализирует важнейшие события, свидетелем и участником которых он явился, и рассказывает, какие жертвы принесли оренбургские казаки, сражаясь с советской властью. Повествование дополняет история борьбы с большевиками Уральского казачьего войска. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(47).084.3

ББК 63.3(2)61

ISBN 978-5-227-10620-9

© Акулинин И. Г., 1933

© Центрполиграф, 1933

Содержание

Вступление	6
Первый период	9
Второй период	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Иван Григорьевич Акулинин

Оренбургское казачье войско

в борьбе с большевиками

1917–1920

*Посвящается оренбургским казакам, павшим смертью храбрых в
борьбе с большевиками:*

За Великую Россию.

За родное войско.

За славу и честь казачью.

Автор

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2024

Вступление

Революция для оренбургских казаков явилась полной неожиданностью.

О той закулисной работе, которая велась в Петрограде с конца 1916 года среди правительственных кругов и политических партий, казаки ничего не знали. Точно так же они были в полном неведении и относительно пропаганды, ведущейся среди рабочих и запасных солдат с самого начала мировой войны.

Казаки всецело были поглощены войной. Все их мысли были прикованы к фронту, все их заботы сосредоточились на помощи армии, ибо война больше всего коснулась казачьих областей. Все способное носить оружие мужское население было мобилизовано и послано на фронт; малолетки обучались на территории войска в запасных полках, готовивших пополнения фронту.

Когда в конце февраля 1917 года в Петрограде произошел переворот и началась революция, оренбургские казаки, как в станицах, так и на фронте, не отдавали себе ясного отчета в происшедших событиях и не знали, как воспринять их. Благоразумная часть казачества инстинктивно чувствовала, что из революции ничего хорошего не выйдет. Казаков особенно смущало свержение царя, так как в массе казаки были глубоко преданы монархическому строю и никак не могли себе представить Россию республикой.

Насколько большинство казаков не уясняло сразу смысла революции и не было подготовлено к новым порядкам, показывают хотя бы такие факты. В первые дни революции в Оренбурге и других городах на территории войска были устроены манифестации, в которых принимали участие и казаки. Во время шествий по улице с красными флагами горожане пели революционные песни, а казаки, следуя обычно в хвосте колонны, как ни в чем не бывало распевали:

Оренбургцы-казаки
Верно царю служат,
По границам разъезжают,
Ни о чем не тужат...

В полках и станицах еще долго пели явно «контрреволюционные» песни, как, например, любимая оренбургскими казаками:

То не соколы крылаты
Чуют солнечный восход.
Белого царя казаки
Собираются в поход...

С первого момента революции войсковое начальство на местах растерялось и не знало, как ему реагировать на события. Ни атаманы отделов с их управлениями, ни тем более станичная и поселковая администрация не были подготовлены к революции и на все обращенные к ним со стороны населения вопросы отмалчивались или просили дождаться указаний свыше. По установившемуся порядку все рассчитывали получить те или иные указания сверху, но приказов на места не поступало, ибо аппарат власти был разрушен сразу. Наказной атаман, генерал-лейтенант Тюлин, был смещен в революционном порядке (должность наказного атамана Оренбургского войска совмещалась с должностью губернатора Оренбургской губернии), а начальник Войскового штаба, Генерального штаба генерал-майор Товарищев, скоропостижно скончался от разрыва сердца.

Первыми, кто начал проявлять активность в станицах и поселках, были станичные фельдшеры, учителя, писари и вообще казачья полуинтеллигенция, до того времени бывшая в загоне. К ним постепенно стали примыкать разные недовольные элементы из разночинцев и казаков, считавших себя при старом режиме почему-либо обиженными.

На фронте в казачьих полках не только не было ликований по случаю торжества революции, но чувствовалось явное смущение и даже ропот. Казаки заняли пассивное положение: присматривались к соседям и выжидали событий. Строевое начальство в большинстве случаев оказалось не на высоте. Хотя офицеры, происходя из войскового сословия, стояли к рядовым казакам ближе, чем в регулярных полках, и отношения между офицерским составом и нижними чинами в казачьих частях были проще, тем не менее и здесь рознь и разобщенность сказались с первых же дней революции.

Офицеры умели командовать «согласно уставу», а казаки «исполнять приказания начальства». Но когда жизнь из рамок уставов и наставлений выскочила, ни те ни другие не знали, что делать и как друг к другу подойти.

Казаки жадно набросились на чтение газет и листовок, которыми наводнялся фронт; прислушивались к наезжавшим «ораторам». Офицеры, наоборот, к революционным газетам относились с брезгливостью, а «ораторов» встречали с явной враждебностью. Когда казаки обращались к офицерам за разъяснениями, те не умели этого сделать; одни ограничивались смущенным молчанием, другие говорили стереотипные фразы, вроде того, что «в газетах пишут глупости», а «ораторов нечего слушать».

Некоторые из офицеров по старой привычке «распекали» своих казаков – и за чтение газет, и за посещение митингов; наиболее суровые грозили арестами и «стойками».

Вначале казаки без офицеров не смели открыто выступать. Но вскоре и в казачьих частях появились агитаторы: сначала со стороны, а потом из своих же казаков, главным образом из нестроевых: фельдшеров, писарей, обозных. Из офицеров «на революционную платформу» стали немногие. Наибольшую известность – своей демагогией – приобрели братья Каширины (Николай и Иван) и подьесаул Нагаев, выступивший впоследствии на Государственном совещании в Москве против атамана Каледина.

Постепенно начали образовывать в казачьих полках комитеты, с появлением которых стала расшатываться дисциплина и вноситься дезорганизация.

В апреле месяце 1917 года в Оренбурге был созван первый Войсковой круг из представителей от станиц, поселков и строевых частей: полков, батарей и отдельных сотен, как бывших на фронте, так и запасных. После открытия от круга было послано приветствие Временному правительству.

Войсковой круг в спешном порядке выработал «Положение об управлении Оренбургским казачьим войском» (Конституция войска). На основании этого «Положения» Оренбургское войско получало самое широкое самоуправление. Все дела войска отныне подлежали ведению Войскового круга, депутаты которого избирались от станиц и поселков на три года всеобщим голосованием всего населения войска. Таким образом, хозяином войска становился Войсковой круг.

Для управления войском Войсковой круг избирал Войсковую управу в составе: войскового атамана (председатель Войсковой управы), его помощника (заместитель председателя Войсковой управы), заведующего военным отделом (начальник штаба войска) и пяти членов.

В административном отношении Оренбургское войско до революции делилось на три военных отдела. Войсковой круг постановил, по примеру Донского войска, переименовать отделы в округа: 1-й округ в Оренбурге, 2-й – в городе Верхнеуральске, 3-й – в городе Троицке.

Впоследствии был образован 4-й округ – в городе Челябинске.

Первым войсковым атаманом был выбран генерал-майор Мальцев, занимавший до этого времени должность атамана 1-го Военного отдела.

После избрания Войсковой управы Войсковой круг разъехался, с тем чтобы собраться на очередную сессию в ноябре.

Но последовавшие в России события, в связи с Государственным совещанием в Москве и выступлением генерала Корнилова в Могилеве, побудили Войсковую управу созвать Войсковой круг на чрезвычайную сессию в конце сентября. На открытие круга прибыли: из Петрограда – председатель совета Союза казачьих войск войсковой старшина Дутов, избранный почетным председателем круга, и из Новочеркасска – представители войска Донского: Г.П. Янов и Кузьменков.

Главнейшими решениями Чрезвычайного Войскового круга были: 1-е – преобразование Войсковой управы в Войсковое правительство, по образцу войска Донского, со всеми проистекающими отсюда последствиями (главным образом, в смысле усиления власти); 2-е – избрание на пост войскового атамана – вместо престарелого генерала Мальцева – молодого энергичного войскового старшины Дутова, произведенного вскоре в полковники.

Александр Ильич Дутов происходил из старинной казачьей семьи Оренбургского войска. Образование получил в Неплюевском кадетском корпусе, Николаевском кавалерийском училище и Императорской Николаевской военной академии, которую окончил по 1-му разряду, но без причисления к Генеральному штабу. Революция застала его на должности командующего 1-м Оренбургским казачьим наследника цесаревича полком (10-й кавалерийской дивизии). В марте 1917 года он прибыл с фронта в Петроград делегатом на Казачий съезд. В мае был избран председателем съезда, а затем поставлен во главе Союза казачьих войск, в качестве председателя Совета съезда.

5 октября 1917 года А.И. Дутов получил атаманскую булаву Оренбургского казачьего войска. В половине октября Чрезвычайный Войсковой круг закрылся, и делегаты разъехались по местам. Вновь избранный войсковой атаман А.И. Дутов выехал в Петроград с докладом Временному правительству.

Накануне большевистского переворота А.И. Дутов вернулся в Оренбург и вступил в исполнение обязанностей войскового атамана Оренбургского войска и уполномоченного Временного правительства по продовольствию в Оренбургской губернии и Тургайской области.

Первый период (с ноября 1917 года по апрель 1918 года)

Борьба Оренбургского казачьего войска с большевиками началась немедленно по захвате ими власти в Петрограде, Москве и других городах России, в первых числах ноября 1917 года.

Оренбургское войско, признав в свое время Временное правительство, советскую власть отвергло.

Получив известие о разгоне Временного правительства и захвате власти народными комиссарами, войсковой атаман А.И. Дутов издал по войску следующий приказ:

«Приказ по Оренбургскому казачьему войску № 816,
26 октября 1917 года [8 ноября по новому стилю], г. Оренбург.

В Петрограде выступили большевики и пытаются захватить власть; таковые же выступления имеют место и в других городах. Войсковое правительство считает такой захват власти большевиками преступным и совершенно недопустимым. В тесном братском союзе с правительствами других казачьих войск, Оренбургское Войсковое правительство окажет полную поддержку коалиционному Временному правительству.

В силу прекращения сообщения и связи с центральной государственной властью и принимая во внимание чрезвычайные обстоятельства, Войсковое правительство, ради блага Родины и поддержания порядка, впредь до восстановления власти Временного правительства и телеграфной связи, с 20 часов 26 сего октября, приняло власть в войске».

Этим приказом было положено начало борьбе Оренбургского войска с большевиками, и этот приказ явился руководящим во всех дальнейших действиях Войскового правительства.

Ввиду того что большинство городского населения Оренбурга составляли не казаки, а территория Оренбургского войска окружена крестьянским населением Оренбургской губернии и Тургайской области, а также поселениями башкир и киргизов, решено было для активной борьбы с большевиками образовать в Оренбурге особый орган, а именно – Комитет спасения родины и революции из представителей казачества, городского и земского самоуправления, разных местных организаций и политических партий – от кадет до меньшевиков и правых социалистов-революционеров включительно.

Во главе комитета был поставлен полковник Дутов, в ведении которого были переданы все воинские части, находящиеся в Оренбурге.

Таким образом, вокруг комитета и Войскового правительства объединились не только казаки, но и все местные патриоты. И атаман Дутов возглавил всё антибольшевистское движение в Оренбургском крае.

В целях сосредоточения военной власти в одних руках и урегулирования всех военных административно-хозяйственных вопросов полковник Дутов учредил Оренбургский военный округ, вступив в должность командующего войсками округа.

Началась подготовка к вооруженной борьбе. Все полки Оренбургского войска в это время находились на фронте. На территории войска стояло лишь три запасных казачьих полка: 1-й запасный полк в городе Оренбурге, 2-й – в городе Верхнеуральске и 3-й – в городе Троицке. В них обучались молодые казаки. Но единственно надежную строевую часть, на которую было можно вполне положиться, составляло Оренбургское казачье военное училище.

Гарнизон города Оренбурга состоял главным образом из запасных пехотных частей, которые настолько уже были распропагандированы, что рассчитывать на них в предстоящей борьбе с большевиками ни в коем случае не приходилось. Наоборот, их присутствие в городе представляло явную опасность. Солдаты, утратившие всякое понятие о долге и дисциплине, совместно с хулиганами из окраинных слободок устраивали погромы и занимались грабежом мирного

населения, наводя повсюду панику. Так был разгромлен и сожжен военный склад с громадными запасами казенного вина.

Борьба с большевизмом в Оренбурге началась с разоружения пехотного гарнизона, что было выполнено, по приказанию атамана Дутова, сотнями 1-го запасного казачьего полка. После разоружения солдаты всех пехотных частей были распущены по домам.

Затем были арестованы и посажены в тюрьму главари местных большевиков Цвилинг, Коростелев и др.; однако им вскоре удалось бежать.

Атаман Дутов приступил к формированию добровольческих отрядов из офицеров и учащейся молодежи: гимназистов, реалистов и семинаристов, которые шли в эти отряды очень охотно. Из Москвы, с сестрой милосердия М.А. Нестерович, прибыла в распоряжение атамана Дутова партия переодетых офицеров в 120 человек.

В станицах – главным образом ближайших к Оренбургу – началось формирование дружин из стариков, малолеток и неспособных. (В мирное время в неспособные, или категорные, зачислялись казаки, которые не отбывали действительной службы в полках в силу физических недостатков; все они были обложены денежным налогом.)

Призыв Войскового правительства о формировании станичных дружин встретил неодинаковое отношение.

В одних станицах наблюдался большой подъем и дружины собирались быстро; в других – царило равнодушие и дружины формировались вяло; третьи – прежде чем приступить к формированию, посылали делегатов в Оренбург и в соседние станицы для выяснения обстановки; некоторые станицы если прямо и не отказывались от формирования, то ровно ничего не делали в этом направлении и выжидали развития событий.

Большое значение имела личность станичного атамана: где атаман был энергичный и с порывом, там дело шло хорошо; где атаман медлил и действовал нерешительно, там ничего не выходило.

В одних станицах формировались конные дружины, в других пешие; в некоторых и те и другие.

Большинство дружин на фронт не выступало и никакого участия в боевых действиях с большевиками не принимало; часть дружин так и не закончила своего формирования: сегодня собирались, завтра расходились.

Большое смущение в умы казаков вносили слухи об успехах большевиков по всей России. Проезжавшие через станицы и поселки солдаты-дезертиры и специально посланные агитаторы распускали про большевиков всякие небылицы: рисовали советскую власть как власть народную, ставшую на защиту всех угнетенных; говорили, что казаки, как часть трудового народа, не только не должны бороться с большевиками, но всячески помогать им освободить народ от эксплуатации помещиков и буржуев, которые «пьют народную кровь»; казакам внушалась мысль, что большевики борются не с казаками, а с начальством, которое продано буржуазии и защищает ее интересы казачьими головами.

Помещиков и представителей крупного торгово-промышленного класса в среде оренбургского казачества не было; поэтому агитаторы старались восстановить казаков главным образом против офицеров – и вообще против начальства, – используя в этих видах разные промахи и недочеты из прошлой жизни.

Разобраться в умело веденной пропаганде, отличить правду ото лжи простому казаку было очень трудно. Многое из того, что ему говорилось, он принимал за чистую монету и многому склонен был поверить; тем более – людей, которые бы разоблачали большевистскую ложь и разъясняли казакам всю нелепость советской системы, в то время в станицах не было! Казаки были предоставлены самим себе.

Станичная полуинтеллигенция, в лице фельдшеров, писарей, учителей, кооператоров, сбита с толку Февральской революцией, быстро начала усваивать большевистскую психоло-

гию и со своей стороны повела демагогическую пропаганду, особенно против офицеров, к которым питала неприязнь за прежние унижения.

Станичное и поселковое духовенство, за небольшим исключением, держалось в стороне и никакого участия в общественной жизни станиц не принимало, ограничиваясь исполнением «духовных треб».

По мере хода событий внутри России и под влиянием агитации часть казаков в станицах стала постепенно переходить на «советскую платформу»: одни искренно заблуждаясь, другие в надежде получить выгоду.

Однако подавляющее большинство населения станиц и поселков к пропаганде большевизма относилось отрицательно, хотя бы из-за своего природного консерватизма. Но ясного, отчетливого представления о большевизме и его разрушительных началах у казаков не было.

При формировании станичных дружин казакам пришлось столкнуться с недостатком оружия. Это обстоятельство их сильно беспокоило.

Винтовок казенного образца в станицах не имелось. Вооружались дружины чем попало: старыми берданками, охотничьими ружьями, пашками, самодельными пиками, топорами, ломами, нагайками и просто палками.

Из станиц все время посылались в Оренбург и в окружные города делегации за получением оружия, но в большинстве случаев они должны были возвращаться с пустыми руками.

У Войскового правительства для всех оружия не хватало. Винтовками, отобранными у солдат запасных пехотных полков, в первую очередь вооружались офицерские и добровольческие отряды, формировавшиеся в самом Оренбурге.

Встретились затруднения с обмундированием и продовольствием. Добровольцев надо было одевать и кормить.

Комитет спасения родины и революции обратился за помощью к городу. Купечество и зажиточные горожане на призыв комитета отзывались довольно слабо и особенной щедрости не проявили. Но благодаря настояниям атамана Дутова и энергии отдельных лиц, некоторые средства – на первое время вполне достаточные – удалось собрать.

Надо заметить, что местное, не казачье население, особенно мещанство и мелкий торговый люд, ясного представления о происходящих событиях не имело и к борьбе казаков с большевиками относилось совершенно равнодушно, полагая, что это дело их не касается.

К сожалению, такая психология преобладала в среде так называемых буржуазных классов, которые считали, что драться с большевиками должны военные – офицеры, солдаты, казаки, – но не гражданские лица.

Городская интеллигенция в лице чиновников, учителей, отставных офицеров прихода большевиков боялась, но никаких мер в целях организации и самообороны не предпринимала.

Рабочие города Оренбурга (главным образом железнодорожных мастерских Ташкентской железной дороги) независимо от того, были ли они меньшевиками или большевиками, социалистами-революционерами или беспартийными – все были настроены революционно-бунтарски. Комитета спасения родины и революции не признавали (хотя в его составе были и их представители), казаков и офицеров ненавидели, а атамана Дутова называли контрреволюционером. Все их симпатии были на стороне большевиков, и каждый рабочий с нетерпением ждал вступления в город большевистских отрядов. Наиболее горячие головы из рабочих кругов и городских подонков организовали в разных частях города боевые ячейки с целью произвести восстание.

Вот такой в общих чертах была обстановка, в которой Войсковому правительству Оренбургского казачьего войска приходилось начинать вооруженную борьбу с большевиками.

В конце ноября во всех городах Поволжья, Урала и Сибири власти Временного правительства уже не существовало; она перешла – почти без всякого сопротивления – в руки большевиков, всюду образовались Советы.

Пришел черед и Оренбургского войска. В декабре отряды большевиков стали подходить к границам войска и проникать на войсковую территорию с разных сторон: на севере – со стороны Екатеринбурга, Уфы и Омска, на юге – со стороны Самары и Ташкента. Сначала красные отряды двигались по железным дорогам, а затем по грунтовым путям, сначала захватывали города, а потом распространялись по станицам.

Прежде всего в руки большевиков попал Челябинск – важнейший железнодорожный узел, а за ним торговый город Троицк – после чего 3-й и 4-й округа очутились в сфере влияния советской власти.

Оренбург был осажден большевистскими отрядами с двух сторон: со стороны Самары и со стороны Актюбинска. Наибольшей активностью отличалась Самарская группа, благодаря наличию в ней отряда матросов.

В половине декабря был созван Войсковой круг, на который съехались в полном составе депутаты от станиц и строевых частей. Круг приветствовали представители города и делегации от всех партий. Атаман Дутов, открывая заседания круга, произнес горячую речь, в которой призывал депутатов стать на защиту Матери-России и родного войска. Председателем круга был избран М.А. Арзамасцев – по профессии медицинский фельдшер, по убеждениям анти-большевик. С первых же заседаний круг поделился на две неравные части: большую – стариков и меньшую – фронтовиков.

Депутаты с фронта, распропагандированные на большевистский лад, сразу заняли по отношению к атаману Дутову враждебную позицию.

Среди них повели агитацию приехавшие на круг – в качестве депутатов – бывший член 1-й Государственной думы Т.И. Седельников, подъяесаул Каширин (Иван), фельдшер Шеметов и урядник Федеринов. К ним примкнул один из членов Войскового правительства – М. Копытин, только что вернувшийся из поездки на Дон.

В своих выступлениях перед кругом лидеры фронтовиков старались доказать, что большевики ведут борьбу не с казаками, а с атаманом Дутовым и офицерством, которые стремятся к контрреволюции. Поэтому стоит только убрать атамана Дутова, как борьба сама собою прекратится и с большевиками можно будет сговориться на приемлемых для обеих сторон началах.

Но депутаты-стариканы из станиц на такую удочку не попались. Они прекрасно понимали, что большевики повели борьбу с казачеством, которое всегда защищало русскую государственность и теперь вновь стояло поперек дороги.

Войсковой круг подавляющим большинством голосов постановил: советской власти не признавать; борьбу с большевиками продолжать до полной над ними победы.

Полковник Дутов был переизбран войсковым атаманом, и Войсковое правительство было сформировано в следующем составе: председатель правительства – войсковой атаман полковник А.И. Дутов. Заместитель председателя – помощник войскового атамана, Генерального штаба полковник И.Г. Акулинин (только что прибывший из Петрограда и избранный депутатом круга). Заведующий военным отделом – начальник штаба войска, полковник В.Н. Половников. Члены правительства: войсковой старшина В.Г. Рудаков (окончивший Интендантскую академию и занимавший должность дивизионного интенданта), войсковой старшина Г.Ф. Шангин (работавший в кооперации), чиновник горного ведомства А.С. Выдрин, землемер Г.Г. Богданов (мусульманин, представитель казаков мусульманского вероисповедания); войсковой старшина Н.С. Анисимов; войсковой секретарь – военный чиновник А.Е. Иванов.

Ввиду происходивших вокруг Оренбурга боев и рабочих волнений в самом городе заседания круга протекали в чрезвычайно нервной обстановке и порой принимали весьма бурный

характер, особенно когда в прения пыталась вмешаться публика, среди которой нередко сидели большевистские агитаторы из казаков. Тем не менее круг работал в течение целого месяца и за это время успел рассмотреть все важнейшие вопросы войсковой жизни.

Однако, разъезжаясь перед празднованием Рождества Христова по домам, Войсковой круг никакой реальной силы для борьбы с большевиками в распоряжение атамана Дутова не дал, да и не мог дать. Он выделил лишь из своего состава, в помощь Войсковому правительству, Малый круг (в числе 9 членов), который вскоре из-за событий на фронте самоупразднился.

Силы, которые атаман Дутов мог противопоставить большевистскому натиску, были незначительны и состояли из небольших офицерских, юнкерских и добровольческих отрядов, а также нескольких станичных дружин.

Как раз в это время в войско стали прибывать с Австро-Венгерского и Кавказского фронтов строевые части – полки и батареи, но рассчитывать на их помощь оказалось совершенно невозможно: они и слышать не хотели о вооруженной борьбе с большевиками.

У казаков-фронтовиков, утомленных войной, а частью настроенных пробольшевистски, была одна мысль, одно стремление – поскорее попасть в родные станицы. Распропагандированные на фронте, они не отдавали себе ясного отчета в происходящих событиях, не понимали сути большевизма со всеми его пагубными последствиями как для России, так и для казачества. Среди них появились уже настоящие большевики, которые вели разлагающую пропаганду сначала в полках, а потом и в станицах.

Большинство казачьих эшелонов прибыло в войско без оружия: большевики их разоружали в пути – в Москве, Киеве, Харькове, Самаре, Ташкенте и других крупных центрах, где имелись в наличии большие гарнизоны. (15-й Оренбургский казачий полк, бывший на Юго-Западном фронте, чтобы не отдавать большевикам оружия, прибыл в войско с одной из войсковых батарей походным порядком, пройдя через Южную и Юго-Восточную Россию.) К чести казаков надо сказать: выдачи офицеров нигде не было, несмотря на энергичные требования и угрозы большевистских комиссаров, почти в каждом городе, через которые проходили казачьи эшелоны.

Таким образом, в начале борьбы Оренбургского войска с советской властью строевые части в защите войска никакого участия не принимали. Наоборот, многие казаки-фронтовики и даже некоторая часть – правда, незначительная – офицеров, как, например, братья Каширины, старались помогать большевикам.

Вся тяжесть борьбы в начальный период легла на офицерские и добровольческие отряды; станичные дружины оказались малобоеспособными и при первом случае расходились по домам.

По причине таких неблагоприятных обстоятельств натиск большевиков сдержать не удалось, и 31 января 1918 года Оренбург был сдан.

Атаман Дутов с Войсковым правительством и группой офицеров переехал вглубь территории войска – во 2-й округ – и обосновался в городе Верхнеуральске, удаленном от железных дорог и больших центров. Часть офицеров, добровольцев и юнкеров, во главе с начальником Оренбургского казачьего военного училища Генерального штаба генерал-майором Слесаревым, ушла походным порядком по левому (киргизскому) берегу реки Урал к уральским казакам, которые в это время не выступали против большевиков. Многие офицеры – в одиночку и небольшими партиями – укрылись по станицам, хуторам и киргизским аулам.

В начале февраля Войсковое правительство созвало в городе Верхнеуральске Чрезвычайный Войсковой круг, на котором были представлены главным образом 2-й, 3-й и 4-й округа. Большинство депутатов 1-го округа на заседания круга прибыть не могли: к этому времени все станицы в районе Оренбурга и Орска были заняты большевиками. На вопрос Войскового правительства, что делать дальше, Войсковой круг вновь подтвердил свое декабрьское решение: продолжать борьбу с большевиками во что бы то ни стало.

Но опять-таки никаких действительных средств на ведение борьбы Войсковое правительство от круга не получило. Были приняты строгие резолюции, выпущены воззвания с призывом к населению – вооружаться против большевиков и объединяться вокруг Войскового правительства.

С переездом в Верхнеуральск Войсковое правительство не имело в своем распоряжении никаких денежных средств – ни для своего существования, ни на ведение борьбы с большевиками. Необходимо было изыскать средства. Первый взнос в пустую войсковую казну был сделан Санарским лесничеством в размере 30 тысяч рублей. Попытка атамана Дутова побудить местных купцов прийти на помощь Войсковому правительству успеха не имела: верхнеуральские купцы, как и оренбургские, крепко держались за свои кошельки, совершенно не отдавая себе отчета в том, что с приходом большевиков они потеряют все.

Чувствовался недостаток в денежных знаках, особенно в мелких купюрах. Население прятало деньги по кубышкам и не выпускало их из рук. В местном казначействе, после потери связи с центрами, не хватало денежных знаков даже для очередных расплат по ассигновкам казенных и общественных учреждений.

Атаман Дутов приказал сделать выемку из уездного казначейства некоторого количества «займа свободы», билеты которого имели право хождения с кредитными билетами – царскими и «керенками».

В местном отделении Сибирского банка хранилось небольшое количество золота (что-то около полупуда) в слитках, принадлежащее местным золотопромышленникам. На случай перехода города в руки большевиков золото было передано в распоряжение Войскового правительства, о чем был составлен особый акт. (Никакой практической выгоды из этого золота Войсковое правительство не извлекло. Впоследствии весь «золотой запас» был сдан в Омск Омскому правительству. С владельцами золота был произведен расчет по курсу дня.)

В целях изыскания средств для пополнения войсковой кассы круг вынес ряд постановлений. Так, было постановлено, чтобы все золото, добываемое золотопромышленниками на казачьей территории, сдавалось, по особой расценке (для данного момента по 33 рубля за золотник), Войсковому правительству; точно так же все доходы, получавшиеся от ископаемых – каменного угля, железной руды и пр., – должны были поступать на пополнение войсковой казны. (На территории Оренбургского войска находится знаменитая Магнитная гора с неисчерпаемыми залежами лучшей в мире железной руды; ряд золотоносных площадей и каменноугольные копи.)

Круг рекомендовал Войсковому правительству обратить внимание на обложение торгово-промышленных предприятий, заводов, паровых мельниц, а также усилить вырубку и продажу леса из войсковых боров. Затем Войсковому правительству поручалось выработать и провести в жизнь заем в 10 миллионов рублей под именем «защиты войска». Для немедленных сборов денежных средств, необходимых на организацию самозащиты войска, решено было образовать «фонд спасения войска», путем добровольных пожертвований.

Депутаты круга обязались всеми силами способствовать притоку денежных средств в распоряжение Войскового правительства. Почти все из намеченных Войсковым кругом мероприятий – ввиду наступивших событий – остались на бумаге.

Во время февральской сессии круга войсковой атаман А.И. Дутов неоднократно просил освободить его от всех возложенных на него обязанностей, но Войсковой круг настоял, чтобы он оставался во главе войска и продолжал дело борьбы с большевиками. Просьба членов Войскового правительства об отставке также не была уважена.

Ввиду неприбытия в город Верхнеуральск войскового старшины Анисимова в состав Войскового правительства было избрано два новых члена из представителей круга: хорунжий А.С. Пономарев (по специальности агроном) и преподаватель городского училища И.С. Белобородов (окончивший учительский институт).

Из других мероприятий Войскового круга следует отметить постановление о формировании полков, для защиты войсковой территории, причем полки должны были формироваться и действовать на основах воинской – а не революционной – дисциплины. Никаких митингов и собраний с вынесением всякого рода резолюций не допускалось. Сотенные, полковые и прочие комитеты в войсковых частях запрещались.

Во время пребывания Войскового правительства в городе Верхнеуральске большевики созвали в Оренбурге казачий съезд из казаков 1-го округа. Съезд, на котором верховодили депутаты круга: Седельников, Федоринов и бывший член Войскового правительства Копытин – вынес постановление о признании советской власти.

В Челябинске также был созван съезд рабочих, крестьянских и казачьих депутатов, который обратился к казакам с призывом прислать делегатов от станиц.

После захвата большевиками города Троицка окружное правление 3-го округа, во главе с окружным атаманом войсковым старшиной Половниковым, было арестовано и посажено в тюрьму. Впоследствии весь состав окружного правления был расстрелян.

Казаки 3-го округа созвали окружной съезд в станице Кособродской. На этом съезде депутат Свешников (молодой студент, исключенный из Оренбургского военного училища за революционные выступления в первые дни революции) ратовал за соглашение с большевиками.

Окружной атаман 2-го округа, молодой хорунжий Захаров, и все окружное правление дружно поддерживали Войсковое правительство, но почти никакой власти и никакого влияния за пределами города Верхнеуральска окружное правление не имело. Даже Верхнеуральская станица, расположенная за городской чертой, находилась всецело под влиянием братьев Кашириных, которые с помощью солдат-дезертиров и сочувствующих большевикам мещан образовали Совет рабочих, крестьянских и казачьих депутатов, который с прибытием в Верхнеуральск Войскового правительства прекратил свое существование.

Городская управа к приезду атамана Дутова и к созыву в городе Верхнеуральске Войскового круга отнеслась весьма сдержанно. Гласные городской думы боялись навлечь на себя гнев большевиков.

Оценивая общее положение в Оренбургском войске к марту 1918 года, можно сказать, что Войсковое правительство в это время, в сущности, было предоставлено самому себе.

Население, за исключением 5–6 верных и стойких станиц, например Карагайской, Петропавловской, Краснинской, Кассельской, Остроленской, никакого участия в борьбе с большевиками не принимало: одни станицы, боясь большевистских расправ, держали «нейтралитет», другие явно сочувствовали приходу большевиков, а третьи даже помогали им, как, например, жители станицы Арсинской и отчасти Верхнеуральской. (Братья Каширины, казаки станицы Верхнеуральской, оказывали свое влияние на ее жителей.)

Никакой вооруженной силы в распоряжении Войскового правительства не было, кроме небольшой личной охраны атамана Дутова и офицерской сотни, собранной на случай самообороны, если бы в городе вспыхнуло восстание. К счастью, из-под Троицка прибыл в Верхнеуральск партизанский отряд войскового старшины Мамаева, который дал толчок к дальнейшим формированиям. Вскоре образовались еще три небольших отряда: подьесаулов Бородин, Михайлова и Енборисова.

В конце концов атаману Дутову с большим трудом удалось собрать около 300 бойцов. К этому ядру время от времени присоединялись станичные дружины, увеличивавшие силы Войскового правительства до 1500–3000 человек.

Необходимо отметить, что в числе партизан было много офицеров не казаков – преимущественно уроженцев Оренбургской губернии; партизанский отряд подьесаула Енборисова состоял исключительно из рядовых казаков; в других отрядах преобладал офицерский состав, но были также юнкера, кадеты, казаки и просто добровольцы.

С этими силами Войсковое правительство держалось на территории 2-го округа до весны. За это время большевистским отрядам, пытавшимся уничтожить «гнездо контрреволюции», было нанесено несколько чувствительных ударов.

Само собой разумеется, что главная тяжесть во всех боях лежала на партизанах. Наскоро собранные и почти безоружные станичные дружины, рассыпавшись лавами, служили больше для декорации и лишь во время преследования противника пускали в ход шашки и нагайки.

Во всех боевых стычках с большевиками главной целью партизан и станичников было стремление достать побольше оружия и патронов (база на противника). Вначале не только дружины, но и партизанские отряды вооружены были слабо: винтовок и шашек на всех не хватало. После нескольких удачных боев (особенно под станицей Кассельской) партизаны раздобыли достаточное количество винтовок и пулеметов, которыми большевики были снабжены в изобилии. Артиллерии в этот период борьбы у казаков совсем не было.

Для ликвидации «дутовщины» большевистские верхи вынуждены были стянуть несколько отрядов. Из них наибольшей организованностью и активностью отличались два отряда: один – изменника Оренбургского войска подьесаула Николая Каширина, а другой – талантливого авантюриста «полковника» Блюхера. (Кто такой был Блюхер – в то время в точности никто не знал. Оренбургские казаки, перешедшие в ряды большевистских отрядов, считали его полковником. Среди жителей города Оренбурга откуда-то пошла молва, что Блюхер – офицер австрийского или германского Генерального штаба, потомок знаменитого прусского фельдмаршала Блюхера.)

В первых числах марта к Верхнеуральску стали приближаться две большевистские группы: одна – со стороны Троицка, а другая из Башкирии.

Чтобы не быть зажатым в клещи, атаман Дутов во главе партизан и станичных дружин бросился против Троицкой группы и, после нескольких стычек у станицы Сухтеленской, обратил ее в паническое бегство.

Но в это время в Верхнеуральске местные большевики, воспользовавшись уходом партизан из города, произвели восстание, поддержанное солдатами-дезертирами из окрестных хуторов и рабочими двух ближайших заводов – Белорецкого и Тирлянского. В распоряжении Войскового правительства не было ни одной воинской части, кроме нескольких десятков офицеров и казаков, державших караулы. Правда, в Верхнеуральской станице имелась наготове вооруженная дружина, но она осталась пассивной; часть казаков-фронтовиков, руководимых подьесаулом Кашириным, примкнула к восставшим. (Накануне восстания в станичном правлении Верхнеуральской станицы был убит казаком-provокатором комендант города поручик Гончаренко.)

После небольшой уличной перестрелки Верхнеуральск перешел в руки большевиков. Войсковое правительство переехало в станицу Краснинскую, в 20 верстах к северо-востоку от Верхнеуральска, а окружное правление 2-го округа – в станицу Кассельскую. (Член Войскового правительства И.С. Белобородов, не успевший вовремя выехать, был схвачен большевиками и посажен в тюрьму, а затем, через несколько дней, расстрелян.)

Атаман дважды делал попытку вернуть Верхнеуральск, но безуспешно. Засевшие в нем большевики успели получить значительные подкрепления, и все атаки казаков были отбиты.

Через несколько дней Верхнеуральская группа большевиков, в свою очередь, попыталась овладеть станицей Кассельской с тем, чтобы отрезать атаману Дутову путь отступления на юг. Но после горячего боя, продолжавшегося целый день, вынуждена была, под дружным натиском партизан и станичников, отступить в беспорядке обратно в Верхнеуральск, побросав по дороге пулеметы, винтовки и разное имущество.

Как раз в это же время другая большевистская банда, блуждавшая в районе станиц Магнитной и Наваринской, была разгромлена казаками соседних поселков, сформировавших по собственному почину свои отряды.

Здесь уместно отметить следующее явление, наблюдавшееся во всех округах Оренбургского войска.

Очень часто большие и богатые станицы если и не держали открыто сторону большевиков, то всеми способами уклонялись от борьбы с ними, и наоборот – небольшие и бедные станицы проявляли к большевикам крайнюю ненависть и при первой возможности готовы были драться с ними.

Несмотря на ряд частичных успехов, общее положение Войскового правительства ухудшалось с каждым днем. Силы большевиков возрастали, а силы партизан и станичных дружин таяли; ощущался постоянный недостаток в боевых припасах, добывать которые приходилось с бою, что влекло за собой лишние кровопролития. Не хватало также перевязочных средств и медикаментов для раненых и больных, число которых с каждым днем увеличивалось. (Для ознакомления с обстановкой в других округах были командированы тайным образом, под видом простых казаков, два члена Войскового правительства: Богданов в пределы 1-го округа, к Оренбургу, и войсковой старшина Рудаков в район 3-го округа, к Троицку.)

К началу апреля Войсковое правительство с партизанами было окружено в станице Краснинской большевистскими отрядами со всех сторон. Атаман Дутов собрал совещание из членов Войскового правительства и старших начальников, на котором было принято решение пробиваться на юг; а в дальнейшем, если бы не удалось удержаться на войсковой земле, уйти в киргизские степи, где и отсиживаться до того момента, когда появится возможность вернуться обратно в войско для новой борьбы.

Был намечен приблизительный маршрут движения – через станицы, лежавшие по левой стороне Урала, – и день выступления – 4 апреля. Но тронуться с места и выйти из района станиц, все время поддерживавших Войсковое правительство, не так-то было легко. В станицах, которые принимали непосредственное участие во всех последних боях, прекрасно понимали, что с уходом Войскового правительства весь гнев большевиков обрушится прежде всего на них.

При уходе из этих станиц войсковому атаману и его ближайшим помощникам приходилось выступать на станичных сборах с объяснениями о причинах передвижения в другие места.

Старики умоляли атамана не покидать их «на съедение большевикам», женщины и дети поднимали плач...

Атаман Дутов, который хорошо умел говорить с казаками, старался разъяснить станичникам, что его уход с партизанами в другие места вызывается боевой обстановкой и предпринимается с целью продолжения дальнейшей борьбы с большевиками там, где это обещает наибольший успех.

Тяжелее всего было покинуть станицу Краснинскую, которая в силу обстановки довольно долго служила атаману Дутову «ставкой».

Для поддержания духа и успокоения стариков в некоторых станицах Войсковое правительство вынуждено было оставлять немного винтовок и патронов.

При таких условиях сохранить скрытность передвижений партизанских отрядов было чрезвычайно трудно. Большевики зорко следили за каждым их шагом, чтобы в удобный момент ударить по ним.

Местность, по которой приходилось двигаться, была холмистая, большей частью открытая, лишь изредка попадались небольшие перелески. Движение задерживалось весенней распутицей, хотя конница, имея пулеметы на легких тарантасах, шла сравнительно легко и маневрировала совершенно свободно. Но колесная колонна Войскового правительства с разными учреждениями, транспортом раненых и обозом беженцев передвигалась довольно медленно, особенно на участках, покрытых еще снегом или залитых водой. (К Войсковому правительству присоединилось и окружное правление 2-го округа.) Происходили частые задержки на переправах через разлившиеся речки и набухшие овраги, тем более что переходы совершались большей частью ночью.

Атаман Дутов выступил из станицы Краснинской 4 апреля утром. Благодаря удачно выбранному направлению, ночным маршам, хорошо организованной разведке и вовремя пущенным ложным слухам ему удалось пройти несколько станиц и поселков (станицы – Кассельскую, Остроленскую, Требиатскую, Наваринскую и поселки – Кацбахский, Измаильский и Кульмский), искусно обходя большевистские «заставы», в том числе отряд подъесаула Каширина, поджидавшего «своего атамана» на переправе через реку Гумбейку (приток Урала) у станицы Черниговской, в то время, когда вся колонна Войскового правительства форсировала эту реку в ночь с 5 на 6 апреля у станицы Наваринской.

В поселке Бриенском атаман Дутов решил остановиться на дневку, чтобы дать людям и лошадям небольшой отдых, хотя обстановка требовала безостановочного движения.

И действительно, на следующий день на рассвете – это было 10 апреля – перед поселком Бриенским появился Николай Каширин, с отрядом из трех родов оружия, а другой большевистский отряд спешно двигался от станицы Кваркенской наперерез пути отступления атаману Дутову.

В произошедшей оплошности повинен был отчасти «полевой штаб» атамана Дутова, ограничившийся выставлением на ночь одной заставы, которая «проспала» появление большевиков. Тревога была поднята часовым на церковной колокольне. (Начальником полевого штаба атамана Дутова был Генерального штаба полковник Н.Я. Поляков (не казак), занимавший во время мировой войны должность начальника штаба Оренбургской казачьей дивизии.)

Среди жителей и беженцев началась паника. Чтобы дать возможность вывезти обозы с ранеными и беженцами в более или менее безопасное место, пришлось принять бой в чрезвычайно невыгодных условиях.

Учитывая критическое положение застигнутой врасплох колонны Войскового правительства и свое численное превосходство, большевики с места повели энергичное наступление: пехота с фронта, конница в обхват флангов, при этом отдельные конные группы из казаков-изменников проявили большую дерзость, все время стараясь ударить в тыл партизанам.

Но партизанские отряды, объединенные под командой полковника Акулинина, так оцетинились, что сразу же осадили большевистский натиск и не позволили им развить наступление – ни на фронте, ни на флангах.

Занимая один рубеж за другим, полковник Акулинин задержал большевиков на целый день, чем дал возможность атаману Дутову к вечеру 10 апреля собрать в поселке Елизаветинском (в двух переходах от поселка Бриенского) все обозы и транспорты.

Поселок Елизаветинский был последним этапом на войсковой территории, дальше началась Тургайская область.

В ночь на 11 апреля атаман Дутов с отрядами выступил из поселка Елизаветинского к Адамовской волости и, миновав ряд переселенческих хуторов, население которых сочувствовало большевикам, углубился в пределы киргизской степи. (Крестьянские хутора Тургайской области возникли вдоль восточной и южной границ Оренбургского войска на киргизских землях. Незадолго перед мировой войной сюда были переселены крестьяне из внутренних губерний Европейской России по плану Главного переселенческого управления.)

Дальнейшее движение происходило исключительно днем, от одного киргизского аула к другому. Общее направление было взято на город Тургай.

Большевики прекратили преследование партизан на грани Оренбургского войска и Тургайской области.

При движении по степи казаки ни в чем не терпели недостатка – ни в пище, ни в фураже, ни в крове.

Отношение киргизов к казакам было вполне доброжелательное, если только они заранее узнавали, что идут не «большевики», а «меньшевики».

(Западную часть Тургайского уезда, где проходил атаман Дутов, населяют наиболее культурные киргизские племена – аргыны, которые были настроены антибольшевистски. Враждебные им кипчаки, кочующие в восточной части Тургайской области, наоборот, держали сторону большевиков.) После Октябрьского переворота в представлении киргизов вся Россия разделилась на два лагеря: большевиков (красных) и меньшевиков (белых).

В конце апреля атаман Дутов вступил в степной городок Тургай, где неожиданно для казаков оказались казенные склады с продовольствием и артиллерийскими припасами, оставшимися здесь после ухода карательного отряда генерала Лаврентьева, усмирявшего в 1916 году взбунтовавшихся киргизов. (Как известно, киргизский бунт возник – не без немецкой агитации – на почве призыва киргизов в армию для тыловых работ во время мировой войны. Бунтовали главным образом кипчаки, из аргын к ним примкнуло только два племени. Для усмирения бунтовщиков был послан в Киргизский и Тургайский уезды карательный отряд из трех родов войска под командой генерала Лаврентьева, который быстро навел порядок в степи.)

За время месячной стоянки в Тургае люди отдохнули, конский состав пополнился киргизскими аргамаками, материальная часть – седла, тарантасы, оружие – подновлена. Были проведены и организационные изменения.

Все партизанские отряды соединены в один – под командой войскового старшины Мамаева, который теперь имел в своем распоряжении конную сотню, пулеметную команду и пешую сотню, передвигавшуюся на тарантасах (по 4 стрелка на тарантасе, не считая кучера).

Все боеспособные беженцы были зачислены в пешую или конную сотни, остальных, в виде нестроевой команды, оставили при обозе. С местными властями – русскими и киргизскими – у Войскового правительства установились самые хорошие отношения.

Советы еще не успели укорениться в степи. Старейшины окрестных племен относились к атаману Дутову с большим уважением и всегда были рады видеть его у себя в аулах в качестве почетного гостя.

В Тургае атаман Дутов простоял до конца мая, внимательно следя за всем, что происходило в войске.

В то время, когда атаман Дутов вел борьбу с большевиками в пределах 2-го округа, офицеры, укрывшиеся по станицам и хуторам в районе Оренбурга, подняли восстание в верхних станицах (станицы, лежащие по реке Уралу и реке Сакмаре выше Оренбурга) 1-го округа и под командой войскового старшины Лукина организовали поход на Оренбург.

Вначале дела у восставших шли хорошо. Комиссары из станиц были изгнаны, Советы уничтожены. 4 апреля, после жаркого боя, был взят Оренбург, но плохо организованные и слабо вооруженные станичные дружины не могли удержать город в своих руках и отступили.

Энтузиазм среди казаков сразу пал, сменившись всеобщей растерянностью. Дружины поспешно разошлись по домам, несмотря на попытки офицеров удержать их и привести в порядок.

Начался развал станиц: по требованию советских комиссаров большая часть оружия была у казаков отобранана, многие офицеры и казаки – участники похода – выданы и расстреляны. В числе первых жертв погиб войсковой старшина Лукин, схваченный большевиками в поселке Нежинском.

Таким печальным финалом завершился первый период борьбы Оренбургского войска с советской властью.

Главнейшими причинами, повлекшими за собой поражение казаков, приходится считать следующие:

1. Непонимание казаками-стариками надвигавшейся на них в лице большевиков опасности; их неумение сорганизоваться и объединиться вокруг Войскового правительства, слабая

поддержка ими офицеров и партизанских отрядов, хотя подавляющее большинство стариков было настроено антибольшевистски.

2. Отказ казаков-фронтовиков драться с большевиками по возвращении в войско, причем многие из них оправдывались тем, что свой долг они исполнили в войне с внешним врагом, а войсковую территорию должны были, по их мнению, защищать старики, неспособные и все те, кто «сидел дома».

3. Сочувствие большевизму со стороны некоторой части фронтового и станичного казачества, особенно казачьей полуинтеллигенции.

4. Боязнь большинства станиц открыто вступить с большевиками в единоборство ввиду их массового превосходства и успехов по всей России, отсюда желание: «нейтралистами», делегациями, контрибуциями и разными другими хитрыми махинациями, с одной стороны, отделиться от борьбы в рядах Войскового правительства, а с другой – откупиться от большевиков и тем «спасти свои животишки».

5. Неприязнь между стариками и фронтовиками, возникшая после возвращения последних с фронта домой на почве расхождения во взглядах на большевизм и революцию.

6. Недоверие и даже враждебное отношение со стороны некоторой части фронтового казачества вообще к «начальству», что встречало резкое осуждение среди стариков.

7. Отчужденность, а в некоторых станицах и открытая вражда между зажиточными и бедными казаками, возникшая под влиянием агитации со времени провозглашения лозунга «организовать трудовое казачество».

8. Растерянность начальства на местах, которое ничего не предпринимало для борьбы с большевиками без указаний свыше. К организации станичных дружин приступили лишь после получения приказа Войскового правительства, а партизанские отряды формировались в порядке частной инициативы активной частью офицерства. Особенно поразительную бездеятельность проявили окружные правления во главе с окружными атаманами, среди которых не оказалось ни одного деятельного человека.

9. Неподготовленность всего войскового аппарата к новым формам борьбы, когда, наравне с чисто военными мерами, требовалось применение революционных методов, как то: распространение среди населения воззваний, листовок, издание газет, посылка агитаторов и проведение террора – в отношении главарей большевистского движения. (В Оренбурге вожаки местных большевиков за призыв к восстанию были арестованы в самом начале движения, но их, вместо того чтобы немедленно предать военно-полевому суду, посадили в гражданскую тюрьму, откуда они благополучно бежали, не без содействия тюремной стражи.) Вместо этого – и в тылу, и на фронте – все делалось по старому шаблону: писались приказы, рассылались циркуляры, составлялись журнальные постановления, которые в большинстве случаев в жизнь не претворялись и оставались мертвой буквой.

10. Обременение Войскового правительства, по настоянию Войскового круга, разного рода хозяйственными, домашними делами, когда, по обстановке, требовалось все внимание сосредоточить на фронте.

11. Слабая поддержка антибольшевистской борьбы интеллигенцией и особенно торгово-промышленным классом, которые рассчитывали «выехать на казачьих спинах», ничем не жертвуя: ни жизнью, ни деньгами, ни имуществом.

12. Недоверие и скрытая вражда к атаману Дутову, как «контрреволюционеру», со стороны некоторых социалистических кругов, вносивших разложение в общий фронт борьбы.

13. Поддержка большевиков рабочими в городах и крестьянами в деревнях, соседних с Оренбургским войском губерний и областей.

14. И, наконец, большое значение имела большевистская пропаганда, которая вносила разложение в казачью среду и привлекала на сторону Советов тех из казаков, кто хотел исполь-

зовать большевизм в своих интересах или искренно поверил в правоту коммунистических лозунгов.

В заключение необходимо принять во внимание географическое положение Оренбургского войска. Оно лежит между Европейской Россией, с одной стороны, Сибирью и Туркестаном – с другой и прорезано двумя железнодорожными магистралями: на севере (у Челябинска) Великим Сибирским путем, а на юге (у Оренбурга) Ташкентской железной дорогой.

До революции земля Оренбургского казачьего войска входила в состав Оренбургской губернии и занимала ее южную, юго-восточную и отчасти северо-восточную части, простираясь от границ Уральского войска (у Илецкого городка) до границ Сибирского войска (у Звериноголовской станицы). На юге и юго-востоке войско примыкало к киргизской степи Тургайской области.

Установление прочной связи «революционного пролетариата» Петрограда и Москвы с рабочими центрами Сибири (Омск, Иркутск, Владивосток) и Туркестана (Ташкент) представляло для советских верхов задачу первостепенной важности. Без этого они не могли рассчитывать на взаимную поддержку и на быстрое распространение своей власти на восточной и юго-восточной части России.

Кроме того, большевики тянулись в Сибирь за хлебом и жирами, которые там имелись в изобилии, а в Европейской России в них ощущался недостаток, особенно в столицах. В Туркестане большевикам нужен был хлопок для фабрик и заводов.

Эти обстоятельства поясняют, почему большевики, оставив в покое до поры до времени уральских и сибирских казаков, территории которых лежали в стороне, сразу навалились на Оренбургское войско, преграждавшее им путь в Сибирь и Туркестан.

Немалую роль здесь сыграла и личность атамана Дутова, которого большевики не могли оставить вне поля зрения и должны были постараться как можно скорее ликвидировать.

Второй период (с мая по июнь 1918 года)

Заняв Оренбург и утвердившись на территории Оренбургского войска, большевики сразу показали себя казакам.

Всюду – в городах и станицах – начались кровавые расправы, грабежи и разбой. Несколько станиц было сожжено дотла; миллионы пудов хлеба вывезены или уничтожены; тысячи голов лошадей и скота угнаны или зарезаны на местах; масса имущества разграблена. Все станицы и поселки, независимо от того, принимали участие в борьбе против большевиков или оставались нейтральными, заплатили денежные контрибуции и затем были обложены громадными налогами. Большевики всех казаков без разбора совершенно искренно считали врагами советской власти и потому ни с кем не церемонились. Много офицеров, чиновников, казаков и даже казачек было расстреляно; еще больше посажено в тюрьму. Особенно свирепствовали большевики в самом городе Оренбурге.

Такие мероприятия со стороны большевиков быстро отрезвили не только казаков-стариков, но и казаков-фронтовиков и заставили их взяться за оружие.

Первыми восстали линейные станицы, расположенные по реке Илек. Сигнал к восстанию подала станица Изобильная. Сюда в 20-х числах февраля прибыла из Оренбурга партия матросов в 20 человек для взыскания налогов. Матросы вели себя крайне вызывающе. Казаки возмутились и перебили всю банду. Тела убитых были спущены под лед в реку Илек.

Весть о происшедшем быстро разнеслась по окрестным станицам.

Казаки прекрасно понимали, что после расправы с матросами на них посыплются жестокие кары.

В станице Буранной был создан станичный сбор, на котором было решено на всякий случай подготовиться и мобилизоваться. В ожидании событий наскоро собранные станичные отряды стянулись в район станиц Изобильной и Буранной. Общим начальником был избран есаул Сукин, которого заменил подъесаул Донецков.

В середине марта для наказания жителей станицы Изобильной за расправу над «сборщиками налогов» из Оренбурга по железной дороге двинулся отряд из трех родов оружия, силой в 800 человек.

Во главе отряда шел губернский комиссар Цвиллинг.

Большевики настолько были уверены в беззащитности и покорности казаков, что от Илецкой Защиты двигались походным порядком без всяких мер охранения.

Казаки зорко следили за передвижениями красного врага; и, когда большевистская колонна стала приближаться к станице Изобильной, казачий отряд устроил засаду, укрывшись за церковной оградой и домами, окружавшими площадь.

Лишь только большевики втянулись в станицу, как казаки со всех сторон ударили на них. Через полчаса красного отряда не существовало: он был уничтожен начисто.

Трофеями казаков были: 4 пушки, 12 пулеметов, 700 винтовок, патроны и снаряды.

После «изобильненского дела» настроение среди казаков сразу поднялось. К линейным станицам стали постепенно присоединяться низовые станицы, расположенные по обеим сторонам реки Урал ниже Оренбурга. В деле организации станиц и формирования станичных и партизанских отрядов главную роль играли офицеры.

Особенно большую деятельность в этот период борьбы проявили: войсковые старшины – Шмотин, Красноярцев, Корноухов; подъесаулы – Богданов, Нестеренко; сотники – Слотов, Тимашев, Мелянин, капитан Булгаков (не казак) и многие другие офицеры, укрывавшиеся от большевиков в своих станицах и поселках.

По мере формирования отрядов в их состав прибывали новые партии офицеров из Уральска, где они отсиживались после занятия Оренбурга большевиками.

Партизанские и станичные отряды стали производить усиленные налеты на Ташкентскую железную дорогу, связывавшую Оренбург с Самарой и Туркестаном. Партизаны разрушали путь, взрывали мосты, останавливали поезда, вылавливали комиссаров и большевистских агентов. Особенно частым нападениям подвергались участки, ближайшие к Оренбургу: между станциями Ново-Сергиевской и Платовской и в районе Илецкой Защиты.

Штаб повстанческих отрядов обосновался сначала на правом берегу реки Урал – в станице Нижне-Озерной, а затем перебрался на левую сторону – в станицу Кардаиловскую. Здесь для руководства борьбой был созван съезд делегатов от восставших станиц, который избрал командующим всеми отрядами войскового старшину Красноянцева.

Съезду объединенных станиц пришлось решить ряд вопросов по части снабжения отрядов продовольствием и оружием и по установлению связи между станицами, а также с соседями-уральцами.

Пока большевики уральцев не трогали, те ничем себя не проявляли, но, как только красные отряды появились на Уральской земле, взялись за оружие. Первыми вступили в единоборство с большевиками илецкие казаки, ближайшие соседи оренбуржцев. Во главе их встал доблестный полковник К.И. Загребин, с которым вошли в сношения оренбургские станицы, расположенные по реке Илек. Штаб полковника Загребина находился в городе Илек Уральской области.

Отсюда уральцы совместно с оренбуржцами стали производить налеты на Ташкентскую железную дорогу в районе станции Ново-Сергиевская. Весной 1918 года все Уральское войско от Илецкого Города до Гурьева представляло собой сплошной военный стан.

В станицу Кардаиловскую на съезд объединенных станиц прибыли представители шести илецких станиц и два делегата войскового съезда из города Уральска, чтобы установить единый фронт в борьбе с общим врагом.

Уральцы оказали помощь оренбуржцам снарядами и живой силой: две сотни илецких казаков действовали совместно с оренбуржцами в районе станции Ново-Сергиевская, а две сотни были направлены к Илецкой Защите и к Оренбургу.

Как раз в это время на Самаро-Златоустовской и Сибирской железных дорогах началось чехословацкое движение: чехословаки с помощью русских добровольческих отрядов разогнали большевистские банды и захватили Сызрань, Самару, Уфу, Челябинск, Омск, Иркутск и другие города Поволжья и Сибири. Центром противобольшевистского движения сделалась Самара, где обосновалось Главное командование чехословацких войск и образовался Комитет членов Учредительного собрания.

Съезд объединенных станиц немедленно вошел в сношения с чехословацким командованием и комитетом. В Самару был командирован войсковой старшина Н.С. Анисимов. Кроме того, в Самаре укрывались от большевиков окружной атаман 1-го округа Каргин, войсковой старшина Тушканов и еще несколько офицеров-оренбуржцев.

Образовалась целая оренбургская миссия, которой удалось получить от чехословаков, от Комитета членов Учредительного собрания и от частных организаций немного оружия, патронов и денег. Все это в спешном порядке было отправлено под Оренбург.

К атаману Дутову в Тургай съезд объединенных станиц отправил делегацию в составе члена Войскового правительства Г.Г. Богданова и подъесаула Пивоварова, с подробным донесением о положении дел под Оренбургом и с просьбой как можно скорее вернуться в войско, чтобы взять все руководство военными действиями и все дело борьбы с большевиками в свои руки.

Одновременно с депутатами от съезда объединенных станиц прибыли в Тургай – это было в конце мая – два казака-партизана из Челябинска с извещением о выступлении чехосло-

ваков и восстании оренбургских казаков в станицах 3-го округа, а также о ликвидации советской власти в Сибири.

В мае почти весь 1-й округ был охвачен восстанием и казачьи отряды начали окружать Оренбург со всех сторон. (Долго не присоединялась к восставшим станица Краснохолмская, против которой, в конце концов, были приняты крутые меры в виде посылки карательного отряда.) Только благодаря наличию у большевиков броневых поездов оставалась незанятой узкая полоса Ташкентской железной дороги в сторону Туркестана.

В середине мая большевики попробовали оттеснить казачьи отряды, окружавшие Оренбург. Для выполнения этого плана из Оренбурга был выслан конный отряд, который, пользуясь ночной темнотой, врасплох захватил станицу Павловскую. Немедленно со стороны казаков был брошен отряд есаула Асламова, казака Забайкальского казачьего войска, который принудил большевиков вернуться в Оренбург; образовавшийся прорыв был заполнен казачьими частями. Уходя в Оренбург, большевики сожгли станицу Павловскую.

Положение большевиков в Оренбурге с каждым днем ухудшалось. Особенно остро стоял продовольственный вопрос – были введены карточки.

Во второй половине июня оренбургские большевики, погрузив на поезда награбленное имущество и все вооружение, двинулись по Ташкентской железной дороге на юг, в сторону Актюбинска.

Многочисленные железнодорожные составы двигались под прикрытием бронепоездов и технических отрядов для исправления пути. Боевыми операциями в районе Илецкой Защиты со стороны казаков руководил генерал-майор Карликов, прибывший из Уральска. (Генерального штаба генерал-майор Карликов не казак, он бывший командир Ларго-Кагульского пехотного полка, стоявшего в мирное время в Оренбурге.)

Казачи, не имея в достаточном количестве оружия, с самодельными пиками, а иногда и просто с одними нагайками, неоднократно ходили в атаки против уходящих поездов, взрывали железнодорожные пути и мосты, устраивали крушения, производили налеты на станции. Но все-таки часть большевистских поездов благодаря броневикам, пулеметам и пушкам, а также хорошему техническому персоналу и особенно помощи, оказанной туркестанскими большевиками, пророснула в Актюбинск; часть же была захвачена казаками.

Отряд Николая Каширина, еще до полного обложения Оренбурга, ушел на север в пределы Башкирии, где к нему потом присоединились большевистские части, вытесненные из Верхнеуральского района. Двигаясь Уральскими горами, Каширин проник сначала в Уфимскую, затем в Пермскую губернии, откуда ему удалось благополучно перебраться за Каму.

Атаман Дутов с Войсковым правительством и партизанским отрядом прибыл из Тургая на территорию войска во второй половине июня.

По пути следования он взял город Иргиз, где обосновались было киргизские большевики, и разоружил большевистский гарнизон на станции Челкар Ташкентской железной дороги (город Иргиз и станция Челкар в киргизской степи).

Затем, двигаясь степью через форт Карабутак, благополучно миновал Орск и Актюбинск, в которых стояли красногвардейские части.

В пределы войска атаман Дутов вошел через станицу Ильинскую, где совершена была переправа на правый казачий берег Урала.

В это время на станцию Кувандык Орской железной дороги, отстоявшую от станицы Ильинской в одном переходе, прибыл из Оренбурга большевистский отряд с бронепоездом. На Кувандыкских высотах, под личным руководством атамана Дутова, произошел встречный бой, в котором обе стороны понесли тяжелые потери. У казаков вышло из строя убитыми и ранеными несколько десятков лучших партизан. Но большевики были рассеяны, и путь на Оренбург вдоль Орской железной дороги расчищен.

Обеспечив, таким образом, дальнейшее продвижение, атаман Дутов двинулся к Оренбургу, поднимая по пути следования те из станиц, которые еще не примкнули к восставшим, например станицы Никольскую, Верхне-озерную, Гирьяльскую и др. Во всех станицах и поселках атамана Дутова встречали с хлебом-солью, служили благодарственные молебны. Особенно трогательной была встреча в станице Красногорской, население которой вышло с крестным ходом.

Силы Войскового правительства увеличивались с каждым переходом, во всех попутных станицах формировались конные сотни, присоединявшиеся к партизанскому отряду.

Оренбург был очищен от большевиков отрядами войскового старшины Красноярцева и войскового старшины Корноухова, вступившими в город с двух сторон.

7 июля состоялся торжественный въезд в Оренбург атамана Дутова с Войсковым правительством.

Все население Оренбурга встретило казаков с энтузиазмом, как избавителей от большевистского ига.

Для встречи войскового атамана отряды, принимавшие участие во взятии Оренбурга, были построены в конном строю. Начальники отрядов, во главе с окружным атаманом 1-го округа Каргиным, выехали вперед с рапортом и докладами о взятии города.

На войсковой Форштадской площади перед «войсковой избой» архиепископ Оренбургский Мефодий совершил торжественное молебствие в сослужении всего городского духовенства.

После богослужения состоялся прием deputаций и смотр войскам, закончившийся общим парадом.

Атамана Дутова приветствовали: съезд объединенных станиц в полном составе своих депутатов, городское самоуправление во главе с городским головой, все местные организации и представители Комитета членов Учредительного собрания, приехавшие из Самары.

С момента прибытия в Оренбург Войскового правительства все дело борьбы с большевиками и все управление войском вновь было им взято в свои руки.

В северной части Оренбургского войска восстание казаков началось одновременно с чехословацким движением. Раньше всего был освобожден от большевиков Челябинск, потом Троицк и лишь спустя некоторое время – Верхнеуральск.

3-й и 4-й округа были очищены от большевиков довольно быстро. Большевистские комиссары частью были уничтожены, частью спаслись со своими отрядами в Уральские горы и в киргизские степи. (В распоряжении автора не было данных, касающихся восстания станиц и первоначальной борьбы с большевиками в районах городов Троицка и Челябинска.)

Наиболее упорное сопротивление большевиками было оказано в пределах 2-го округа, откуда их пришлось выбивать с большими усилиями. Особенно серьезные бои разыгрались под Верхнеуральском. Здесь верховодил подьесаул Каширин 2-й (Иван), перешедший на сторону большевиков одновременно со своим старшим братом Кашириным 1-м (Николаем). По приказу красного «главкома», то есть Каширина Ивана, в Верхнеуральске и ближайших к нему станицах было расстреляно много офицеров и видных жителей города, а также казаков, занимавших общественные должности. В их числе погибли: бывший городской голова Полосин, доблестный войсковой старшина П.Ф. Воротовов, протоиерей Громогласов и др.

Для освобождения от большевиков Верхнеуральска казаки двинулись со стороны Миасса и Троицка.

В станице Кундравинской, 2-го округа, образовалась военная комиссия во главе с бывшим членом Государственной думы П.Ф. Вopiловым, которая обратилась к казакам с призывом – выступить против большевиков. На призыв комиссии казаки ближайших станиц и поселков отозвались довольно дружно. Затруднения встретились с вооружением: почти все оружие в станицах было отобрано большевистскими карательными отрядами, однако некоторое коли-

чество винтовок было спрятано в земле и разных укромных местах. Представителям военной комиссии удалось получить несколько партий винтовок разных систем и патронов от чехословаков.

Не хватало командного состава; многие офицеры, скрываясь от преследований большевиков, должны были покинуть под чужими именами не только свои станицы, но и пределы войска. Несмотря на недостаток оружия и офицеров, военная комиссия сформировала два конных полка, силою до 1500 бойцов каждый, по преимуществу из казаков-партизан.

Действия Кундравинской группы начались в сторону Верхнеуральска, куда полки двинулись двумя колоннами: 1-й полк шел вдоль Миасского тракта, а 2-й – по Уфимскому тракту.

Первые боевые столкновения с красными отрядами произошли в районе Уйской станицы, которая несколько раз переходила из рук в руки. Понесся большие потери в людях и в материальной части, красные отошли к поселку Ахуновскому. Здесь действовал 1-й полк.

В то же время 2-й полк разбил большевистский отряд у села Учалы, захватив пленных и оружие.

Сильно потрепанные красные отряды поспешно отошли к Верхнеуральску и при отступлении сожгли поселок Кидышевский. Обе казачьи колонны соединились в станице Карагайской. Сюда к ним на помощь прибыл 3-й полк, сформированный из казаков Уйской станицы. Все три полка перешли в станицу Урлядинскую, в 21-й версте от Верхнеуральска, и отсюда повели наступление на Верхнеуральск – с фронта и в обход, чтобы отрезать путь отступления красным на Белорецкий завод – в Уральские горы.

Со стороны Троицка к Верхнеуральску подошла еще одна колонна казаков (у автора не было сведений относительно места формирования и численности колонны, двигавшейся к Верхнеуральску по Троицкому тракту) и отряд Анненкова.

Атаман Анненков, боевой офицер Сибирского казачьего войска, сформировал на свой страх и риск партизанский отряд из сибирских и оренбургских казаков.

Своими решительными действиями и крутыми расправами с большевистскими главарями Анненков производил большое впечатление на казаков, особенно на молодежь. В его отряд стекались добровольцы из всех станиц – сибирских и оренбургских.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.